

Литература

1. Вебер, М. История хозяйства: очерк всеобщей социальной и экономической истории / М. Вебер. – Пг.: Наука и школа, 1923. – 240 с.
2. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
3. Гнейст, Р. История государственных учреждений Англии / Р. Гнейст; пер. с нем. – М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1885. – 857 с.
4. Дмитриева, О. Британский Левиафан / О. Дмитриева // Знание – сила. – 1999. – № 4. – С. 80–92.
5. История Европы: в 8 т. – М.: Наука, 1988–1994. – Т. 3. – 668 с.
6. Лугинин, С. Краткий очерк английской конституции / С. Лугинин // Обзор современных конституций: в 3 ч. – СПб.: Ред. «Рус. инвалида», 1862. – Ч. 2. – С. 15–28.
7. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
8. Тревельян, Дж. М. Социальная история Англии / Дж. М. Тревельян. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 608 с.
9. Фадеева, А. А. «Профессиональный класс» в английской социальной истории XIX в. / А. А. Фадеева // Новая и новейшая история. – 1998. – № 4. – С. 43–66.

Л. В. Ландина

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск*

КОНЦЕПТ ЕВРОПЕЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема абсолютизма традиционно является не только одной из ведущих в историографии, но и одной из сложнейших. Историю раннего Нового времени нельзя представить без рассмотрения в ней роли государства. Речь идет об абсолютизме, или абсолютной монархии (эти понятия близки по смыслу). Абсолютистское «регулярное государство» контролировало все сферы жизни новоевропейского общества – от внешней политики, выступавшей зачастую как кабинетная, династическая сфера деятельности, до регулирования частной жизни подданных в сословном государстве «Старого порядка».

Концептуальное же осмысление проблемы абсолютизма насчитывает уже более века, являясь ныне самостоятельной темой историографической рефлексии. Тем не менее со временем концепт абсолютизма и как понятие, и как ментальная конструкция ставит все больше вопросов. Можно утверждать, что образовалась своего рода «историография нерешенной проблемы». Для иллюстрации сказанного можно привести следующие красноречивые примеры.

Начиная дискуссию 1968–1972 гг., посвященную российскому абсолютизму, исследователь истории России начала XX в. А. Я. Аврех писал: «Абсолютизм – тема не только важная, но и коварная. Эта проблема обладает удивительным свойством: чем больше успехи в ее конкретно-исторической разработке, тем туманнее становится ее сущность. Гвоздем проблемы является соотношение феодального и буржуазного в политике абсолютной монархии» [1, с. 82]. Почти через сорок лет П. Ю. Уваров, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, отметил, что «...наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином «абсолютизм». Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив ... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина «абсолютизм», а других к простому игнорированию его в своих практических исследованиях» [11, с. 237]. Совсем недавно Л. И. Ивонина, российская исследовательница политической истории раннего Нового времени, вновь обратила внимание на то, что «дискуссия об эпохально-специфическом качестве государства раннего Нового времени никогда не кончится, и это вполне нормально... Исследователями Старого порядка системное понятие «абсолютизм» перманентно подвергается критике, доходящей до утверждения, что эту категорию следует вообще удалить из ряда исторических дискурсов» [3, с. 105]. Таким образом, современную методологическую ситуацию в проблематике абсолютизма можно оценить и как кризис, и как поиск новых решений.

Традиционная концепция «равновесия», сформулированная академиком С. Д. Сказкиным еще в 1941 г., обуславливала существование абсолютной монархии и значительной самостоятельности королевской власти равновесием сил укрепляющейся буржуазии и еще достаточно сильного дворянства в период перехода от феодализма к капитализму [10, с. 12–13]. Но эта трактовка ушла в прошлое, как и казавшаяся понятной социологическая модель абсолютизма. Сразу же возник вопрос: какова социальная основа абсолютной монархии? Высказанное в 1989 г. российским исследователем Старого порядка Н. Е. Копосовым суждение о том, что абсолютизм есть государство переходного типа и его возникновение уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности [5, с. 55], вполне приемлемо. Вместе с тем особого внимания требует специфика конкретных государств.

Радикальным разрывом с предшествующей историографической традицией является ценностная переориентация в отношении абсолютизма. И в дореволюционной, и в советской историографии абсолютизм трактовался как явление закономерное, даже прогрессивное на этапе создания централизованного государства, но затем – как «необходимое зло» и враждебная, не имеющая перспектив сила накануне буржуазных революций. Сейчас, когда революционные ценности сменились традиционалистскими, абсолютная монархия рассматривается как самоценный исторический феномен, достойный отдельного внимания. В равной степени справедливо это и для персоналий монархов и их окружения. Разумеется, речь не идет о признании всех монархов «хорошими», в целом оценка взвешенная, но смещение акцентов очевидно при сопоставлении советских и современных трактовок [6; 8]. Данное обстоятельство выводит на популярное ныне поле психоистории, истории повседневности и роли личности. В методологическом плане это направление наиболее благодатное и наименее спорное.

Самым же сложным аспектом современной проблематики абсолютизма является терминологический. Уже с конца 1980-х гг. было четко прописано, что при абсолютизме власть монарха отнюдь

не абсолютна. Реалии XVI–XVIII вв. указывали на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений [5, с. 42–44]. Соответственно, понятие «абсолютизм» не отражает сути характеризуемого явления и должно быть упразднено как не подкрепленное данными источников. Данная проблематика в максимальной степени была отражена в исследовании британского историка Н. Хеншелла с красноречивым названием «Миф абсолютизма» [12]. При этом нужно заметить, что российские исследователи абсолютной монархии на протяжении 1990–2000-х гг. проделали огромную работу, в результате которой ряд тезисов Хеншелла утратил свою остроту.

Тем не менее проблема терминологии осталась, однако это не означает, что она не имеет приемлемых вариантов решения [7]. Так, целесообразным представляется разграничить понятия «абсолютная монархия» и «абсолютизм». «Абсолютная монархия» есть форма государственного правления, преобладающая в Европе раннего Нового времени. Данное словосочетание стилистически нейтрально и вписывается в узнаваемый логический ряд: сословно-представительная монархия, абсолютная монархия, конституционная монархия, где ранжирование проведено по критерию баланса сил монархии и сословно-представительных институтов. «Абсолютизм» же как специфическая система общественных отношений может быть обозначен как «Старый порядок» – понятие, ныне возвращенное в историографию. «Старый порядок», хотя и не безупречен в плане подтекста, коннотативно все же менее жесткий и однозначный, чем «абсолютизм». Такая терминологическая замена, кроме того, имеет прецедент – из постсоветской историографии достаточно быстро исчезли вызывающий негативные ассоциации термин «царизм», характеризовавший российскую монархию, и аналогичный по отрицательному подтексту «феодально-абсолютистский строй», применявшийся для характеристики социально-политического развития Западной Европы [7, с. 71–72].

Еще более сложным представляется формулирование определения абсолютизма. Не случайно поэтому, например, французские историки вообще не акцентировали и не акцентируют

внимание на однозначных формулировках. Так, известный исследователь Старого порядка Пьер Губер еще в 1969 г. писал о том, что существуют два взаимно дополняющих способа раскрыть и описать Старый порядок. Одно видение проблемы – максимально узкое и сводится к анализу политических и юридических структур. Другая часть историков идет гораздо дальше, и выражение «Старый порядок» служит им глобальным названием для обозначения всего, что произошло во Франции между первым Валуа и последним Бурбоном. По мнению Губера, представляется верным думать, что истина находится где-то между этими противоположностями [13, р. 9]. Современные исследователи переносят центр тяжести в изучении абсолютизма, например, в область политической антропологии, общественной ментальности, презентации власти [2; 4]. Вместе с тем необходимо помнить, что если некая совокупность знаний претендует на статус науки, то это предполагает систему понятий и соответствующие дефиниции. Сейчас, когда накоплен опыт в осмыслении концепта абсолютизма постсоветской историографией, актуально также построение теоретической модели концепта абсолютизма с учетом его социологических, правовых и ментальных составляющих.

Весьма продуктивными являются междисциплинарный подход и историческая компаративистика. Их необходимость и важность была отмечена еще в 1945 г. профессором Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина И. И. Полосиным. Изучая опричнину в России, он обратился к спорам об опричнине на сеймах Речи Посполитой, сопоставляя политическую культуру и границы власти монархов в обеих странах. Полосин утверждал: «Польша XVI в. не знала опричнины русского типа. Тем интереснее проследить за развитием элементов королевской опричнины даже в панской Польше, изучить дебаты на польских сеймах XVI в. о королевской власти, об ее основах, ее правах, ее свойствах. Польша не знала и не могла знать опричнины: тем интереснее своеобразные польские споры об опричнине» [9, с. 158].

Уже более четверти века Беларусь представляет собой самостоятельное государство, находящееся в центре Европы. В силу этого

необходимо создание отечественной школы в изучении истории раннего Нового времени. Это даст возможность не только осмысления европейской истории с позиций белорусской историографии. Весьма перспективным направлением исследований представляется и включение истории Беларуси раннего Нового времени в европейский контекст средствами исторической компаративистики.

Литература

1. Аврех, А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России / А. Я. Аврех // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 82–104.
2. Десимон, Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV–XVIII вв: функции метафор / Р. Десимон // «Анналы» на рубеже веков: антология / отв. ред. А. Я. Гуревич. – М.: XXI век – согласие, 2002. – С. 169–193.
3. Ивонина, Л. И. Монархизация правителей и государств Классической Европы в конце XVII – начале XVIII в. / Л. И. Ивонина // Вопросы истории. – 2012. – № 8. – С. 104–117.
4. Козандей, Ф. Церемониальная политика во Франции XVI–XVII вв. / Ф. Козандей // Французский ежегодник 2014: жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV / под ред. А. В. Чудинова и Ю. П. Крыловой. – М.: ИВИ РАН, 2014. – С. 239–251.
5. Копосов, Н. Е. Абсолютная монархия во Франции / Н. Е. Копосов // Вопросы истории. – 1989. – № 1. – С. 42–57.
6. Ландина, Л. В. Французские монархи эпохи абсолютизма и их окружение: дискурс советской историографии 1920–1950-х гг. / Л. В. Ландина // Крыніцазнаўства і дапаможныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Мінск, БДУ. – 2016. – Вып. 11. – С. 89–102.
7. Ляхович, Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты / Л. В. Ляхович // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2014. – Вып. 48. – С. 59–75.
8. Ляховіч, Л. У. Ад класавога падыходу – да псіхагісторыі: асобы манархаў дынастыі Раманавых у савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі / Л. У. Ляховіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 9. – С. 33–45.
9. Полосин, И. И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569–1582) / И. И. Полосин // Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. / И. И. Полосин; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 157–181.
10. Сказкин, С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме / С. Д. Сказкин // Ученые записки Моск. городского педагог. ин-та. – 1941. – Т. 3, вып. 1. – С. 3–25.
11. Уваров, П. Ю. Французский король, его суды и его поделедственный (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553) / П. Ю. Уваров // Искусство власти: сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 236–257.

12. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Н. Хеншелл; пер. с англ. А. А. Паламарчук, при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова; отв. ред. С. Е. Федоров. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.

13. Goubert, P. L'ancien régime / P. Goubert. – Paris: Armand Coulin, 1969–1973. – Vol. 1: La société. – 1969. – 271 p.

М. В. Глеб

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск

ЛИБЕРАЛЫ И ИМПЕРИЯ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ XIX – начала XX в.

Определение источника формирования имперской политики и импульса процесса колониального расширения является одним из важнейших вопросов при изучении такого обширного и структурно неоднородного государственного образования, как Британская империя. Своеобразные «ниши» в имперской идеологии и практике в XIX – начале XX в. для консервативной и либеральной партий Великобритании были выделены учеными оксфордской школы еще на рубеже этих столетий. Они определяли 1850–1860-е гг. как эпоху либеральной антиэкспансионистской колониальной политики и 1870–1900-е гг. как период «нового империализма». Последний, в основном связывавшийся с доминированием консервативной имперской доктрины, ассоциировался с форсированным расширением территории империи и ее активной эксплуатацией.

В середине XX в. концепция «неформальной империи», сформулированная кембриджскими историками Р. Робинсоном и Д. Гэллахером, дала либералам характеристику строителей империи. Но этот тип империи определялся как специфический, ненасильственный, объединенный экономическими мотиваторами и связями [3]. Там, где консерваторы четко и тесно ассоциировались с имперским этосом, в случае либералов приводились оправдательные обстоятельства.

В конце XX – начале XXI в. в центре внимания научного сообщества оказался термин «либеральная империя», которым ста-